

около столѣтїя ¹⁾). Таковъ и послѣдній срокъ, на который разрѣшены были Ангелы губители: три предшествовавшіе срока по отношенію къ сему послѣднему и его ужасамъ, къ полнотѣ которыхъ и они сами относятся, какъ части одного цѣлаго, составляли то же, что часъ и день и мѣсяць по отношенію къ году. Этотъ Апокалипсическій годъ обнимаетъ уже около столѣтїя историческаго.

И прочіи отъ человекъ,—такъ говоритъ Тайнозритель и о послѣдствїяхъ для упорныхъ язычниковъ изображеннаго выше губительства,—*уже не избѣни быша язвами сими, ниже покаяшася отъ дѣлъ рукъ своихъ, да не поклонятся демономъ, ни идоломъ златымъ и серебрянымъ, и мѣднымъ, и каменнымъ, и деревяннымъ, уже ни видѣти могутъ, ни слышати, ни ходити, и не покаяшася отъ убійствъ своихъ, ни отъ волшебаній своихъ, ниже отъ блуда своего, ниже отъ татѣбъ своихъ* (20—21 ст.). Прямо: *отъ блуда своего и отъ татѣбъ своихъ*. Теперь понятіе о поклоняющихся идоламъ, какъ о язычникахъ въ собственномъ смыслѣ и главнымъ образомъ о язычникахъ Имперїи Римской, оправдывается для насъ всѣмъ ходомъ разсмотрѣннаго суда Божїя надъ языческимъ Греко-Римскимъ міромъ.

И прочіи отъ человекъ (οἱ λοιποὶ τῶν ἀνθρώπων—остальные изъ людей) *уже не избѣни быша язвами сими*: т. е. какъ въ продолженіе казней остававшіеся въ цѣлости, такъ и послѣ нихъ остававшіеся въ своемъ язычествѣ язычники Имперїи. Итакъ это уже остатокъ языческаго Греко-Римскаго міра. *Ниже покаяшася*. Итакъ судъ Божїй надъ язычниками былъ судомъ собственно благодсти Божїей, зовущей ихъ къ покаянію, т. е. обращенію къ гонимой ими Христовой вѣрѣ. Такое значеніе общественныхъ бѣдствїй Имперїи не можетъ не при-

¹⁾ Такъ какъ ангелы истребители, разрѣшенные на четыре срока, не были связуемы въ промежутки между этими сроками, по Апокалипсису: то непрерывность несвязаннаго ихъ состоянія и дѣйствїя необходимо требуетъ того, чтобы послѣдній, обширѣйшій изъ опредѣленныхъ сроковъ не только былъ заключенїемъ трехъ прочихъ сроковъ, но обнималъ и ихъ своимъ началомъ,—начавшись еще съ самаго разрѣшенїя этихъ истребительныхъ ангеловъ и, послѣ трехъ первыхъ сроковъ, только вполнѣ опредѣляясь въ своемъ особомъ характерѣ. При такомъ только разумнѣи отношенїи послѣдняго обширѣйшаго срока къ тремъ кратчайшимъ, остается во всей силѣ и непрерывность развязаннаго состоянія ангеловъ - губителей на весь четырехсрочный періодъ.

знавать и мірская исторія. „Времена, подобныя этимъ бѣдственнымъ годамъ Имперіи,—говорить столь часто цитуемая нами Исторія (Лоренца),—всегда понуждаютъ человѣка углубляться въ самого себя, и гдѣ онъ могъ найти больше утѣшенія, какъ не въ религіи *Божественной*, которая не только *съ полнымъ совершенствомъ учитъ, но и даетъ силы.*¹⁾ переносить несчастія и возвышаться надъ ними! Отъ того неудивительно, что число христіанъ необыкновенно умножилось и христіанская религія проникла во всѣ слои общества“. Для избранныхъ общественныя бѣдствія, конечно, служили побужденіемъ къ тому, чтобы благоговѣнно внимать и безъ коснѣній слѣдовать зовущей къ спасенію благодати Божіей. Но эти избранные собственно *не отъ міра суть*, какъ изрекъ Господь объ избранныхъ сынахъ. Преданные же мірскому растлѣнію язычники и составляютъ остатокъ такихъ изъ языческаго міра, которые *не покашася отъ дѣлъ своихъ*. Общественныя бѣдствія служили для такихъ поводомъ только къ большому ожесточенію противъ христіанъ: ибо сначала простой народъ, а потомъ и правительство приписывали общественныя бѣдствія гнѣву боговъ за христіанство. Такое ожесточеніе противъ христіанства видно особенно въ послѣднихъ Императорахъ языческихъ—Діоклитіанѣ, которому казалось необходимою для благосостоянія Имперіи мѣрою истребленіе христіанства, и особенно въ соправителѣ его Галеріѣ—смертельномъ врагѣ христіанства, въ Максимѣ—жаркомъ ревнителѣ о мнимыхъ богахъ, въ Максентіѣ, котораго война противъ Константина была войною собственно за язычество. Гоненіе Діоклитіана и его соправителей и преемниковъ было жесточайшее изъ всѣхъ гоненій. Такова была нераскаянность и упорство оставшихся язычниковъ *не покашася отъ дѣлъ своихъ*.

Да не поклонятся демономъ, ни идоломъ. Идолы языческіе представляли разныя мнимыя божества, въ которыхъ большею частію обоготворены были собственно грѣховныя страсти, возбуждаемыя и воспламеняемыя бѣсами. Въ семъ отношеніи *идолы языковъ суть дѣсове*, какъ сказано въ псалмѣ (по разумѣнію 70-ти) и слѣдовательно поклоненіе идоламъ есть вмѣстѣ и поклоненіе демонамъ или бѣсамъ. Почему же

¹⁾ Здѣсь выраженія Лоренца мы отчасти замѣнили.

святѣй Іоаннъ различаетъ одно отъ другого—поклоненіе демонамъ и поклоненіе идоламъ?—Потому, что такъ имѣло послѣдовать и въ самыхъ событіяхъ. Усиливаясь поддержать падающее язычество, современная философія (неоплатониковъ) измыслила, что въ мифахъ языческихъ сокрытъ глубокой смыслъ, и боги языческіе суть живые и властительные духи, такъ называемые *даімоны*. Посему образованное общество язычниковъ своимъ поклоненіемъ предъ идолами, мнило чтить именно этихъ *демоновъ*, тогда какъ грубая народная толпа слѣпо, безотчетно преклонялась только предъ истуканами—*золотыми, серебряными, мѣдными, каменными и деревянными*.

Не покающаяся отъ убійствъ своихъ, ни отъ волхвованій своихъ, ниже отъ блуда своего, ниже отъ татѣй своихъ. Лактанцій и Евсевій, современники послѣднихъ языческихъ Императоровъ, много говорятъ объ ихъ свирѣпости не только противъ христіанъ, но и противъ самихъ язычниковъ, объ ихъ суевѣрій, сладострастіи, хищническомъ корыстолюбіи. Мы остановимъ вниманіе только на томъ представителѣ и вождѣ язычества, побѣда надъ которымъ, одержанная Константиномъ при самомъ Римѣ, была вмѣстѣ и побѣда христіанства надъ Греко-Римскимъ язычествомъ въ Имперіи. Это былъ Максентій. Вотъ что повѣствуетъ о немъ Евсевій въ своей Исторіи: „Завладѣвъ хищнически царственнымъ городомъ, тиранъ непрестанно отваживался на нечестивые и злодѣйскіе поступки... У мужей отнималъ законныхъ женъ и, обезчестивъ ихъ, отсылалъ съ позоромъ назадъ къ мужьямъ... но сколь ни многія благородныя женщины были постыдно оскорблены имъ, невоздержная и сладострастная душа его не могла насытиться... Такими дерзостями жестокаго тиранства его стѣснялись всѣ простолюдины и начальники, знатные и незнатные. Какъ ни спокойны были они,—какъ ни переносили горькое рабство,—не могли избавиться отъ кровавой его жестокости. Напримѣръ, однажды, подъ какимъ то незначительнымъ предлогомъ, онъ предалъ народъ на убійство своимъ тѣлохранителямъ, и цѣлыя тысячи Римлянъ пали среди города... А сколько допустилъ онъ убить сенаторовъ по навѣту, чтобы завладѣть имуществомъ каждаго,—и перечислить невозможно... Но въ концѣ злодѣяній тирана было то, что онъ вдался въ чародѣйство. Для

цѣлей магіи то разсѣкаль онъ беременныхъ женщинъ, разсматривая внутренности новорожденныхъ младенцевъ,—то умерщвляль львовъ и совершалъ другія невыразимыя мерзости, чтобы вызвать демоновъ и отвратить наступившую войну“¹⁾. Не всѣ ли означенные въ Апокалипсисѣ пороки упорныхъ язычниковъ видны въ ихъ послѣднемъ вождѣ противъ христіанства? Въ особенности о чародѣйствѣ и татьбахъ замѣтимъ, что самое преобразование Имперіи, произведенное Діоклитіаномъ, чрезъ умноженіе должностей и чиновниковъ давало просторъ государственнымъ татьбамъ²⁾, а чародѣйство введено въ область язычества, какъ существенная его стихія, неоплатоническою философіею, которой первые учителя были извѣстны чародѣйствомъ (Аммоній и особенно Плотинъ).

Но все же такими нераскаянными язычниками оставались по Апокалипсису только *οἱ λοιποὶ* „остальные“ или остатки языческаго Греко-Римскаго міра. Этого Исава уже запинаятъ (скажемъ съ 3-й кн. Ездры) Іаковъ—міръ христіанскій, распространявшійся *кровьми* св. мучениковъ и мученицъ, страданіемъ и терпѣніемъ достигшій господствованія. Но объ этомъ Апокалипсисъ предрекаетъ выразительно уже далѣе. Теперь же закончилось то Апокалипсическое зрѣлище, на которомъ созерцаемы были св. Іоанномъ Богословомъ разнообразныя виды наказанія языческаго міра, въ отдѣльности отъ свѣтлой стороны или области самой Церкви; подобно какъ прежде отдѣльно отъ области Церкви созерцаемы были казни іудейства.

Великій урокъ преподають нашей вѣрѣ провидѣнныя здѣсь судьбы святой, гонимой вслѣдъ за Іудеями язычествомъ, Церкви Христовой и казнимаго за то, послѣ Іудеевъ, міра языческаго. Пусть весь міръ идетъ противъ правой вѣры или противъ истиннаго, живого ея направленія, подобно какъ цѣлыя три столѣтія уже шелъ противъ христіанства міръ язычскій съ кровожадною враждою и всевозможными насиліями. Пусть враги истины *мятятся* преслѣдованіями ея духа и силы *службу приносятъ Богу*, подобно какъ мечтали объ этомъ первые враги христіанства—Іудеи, за

¹⁾ Евсевій. О жизни Константина кн. 1, гл. 33—36.

²⁾ Лактанцій О смерти гонителей гл. 7.

которыми послѣдовали и язычники, тоже мечтавшіе угодить мнимымъ богамъ гоненіями христіанъ. Поборникамъ истины, вѣрнымъ ей до смерти, готовы пальмы побѣды, раздаваемые Сыномъ Божиимъ при радостныхъ восклицаніяхъ всего Ангельскаго міра; они навсегда облекутся въ одежды свѣта и чистоты, иамытыя въ крови Агнца и слѣдовательно навсегда упрочатъ въ себѣ и собою въ другихъ челоувѣколюбивый до самопожертвованія за другихъ образъ мыслей и расположеній Самого Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра; за это ругается Самъ Онъ своею смертію за міръ и своею вѣчною жизнію и существомъ. Такое ободреніе для вѣры среди ея озлобленій и страдальческихъ подвиговъ ея за истину и выражено въ откровеніи, данномъ Ангелу второй изъ частныхъ Апокалипсическихъ церквей—Ангелу Смирнской церкви. „Такъ говоритъ Первый и Послѣдній, Который былъ мертвъ и се живъ. Знаю твои дѣла и скорбь и нищету, (впрочемъ ты богата), и злословіе отъ тѣхъ, которые говорятъ о себѣ, что они Іудеи, а они не таковы, но сборище сатанинское. Не бойся ничего, что тебѣ надобно будетъ претерпѣть. Вотъ, діаволь будетъ ввергать изъ среды васъ въ темницу, чтобы искусить васъ, и будете имѣть скорбь дней десять (главныхъ гоненій языческихъ насчитываютъ до десяти). Будь вѣренъ до смерти, и дамъ тебѣ вѣнецъ жизни. Имѣющій ухо слышать да слышитъ, что Духъ говоритъ церквамъ: побѣждающій не потерпитъ вреда отъ второй смерти“. (Неудобопонятное или таинственное въ этомъ откровеніи уже было объяснено выше,—смотри откровеніе о семи Малоазійскихъ церквахъ).

Конецъ первой книги.

Изслѣдованіа Апокалипсиса Святаго Іоанна Богослова.

КНИГА ВТОРАЯ.

Вступленіе Тайнозрителя въ новый рядъ видѣній и откровеній (10 гл. Апок.).

Мы покончили предъидущую книгу изслѣдованіемъ апокалипсическаго видѣнія, на которомъ созерцаемы были св. Іоанномъ Богословомъ наказанія Христовраждебнаго языческаго міра въ отдѣльности его отъ свѣтлой стороны, или области самой Церкви, подобно, какъ прежде, отдѣльно отъ области Церкви, созерцаемы были казни іудейства. Далѣе, уже на одномъ зрѣлищѣ или въ нераздѣльности являюся, какъ свѣтлая сторона, т.-е. Церковь, побѣдоносно подвизающаяся, такъ и примрачная, т.-е. низлагаемый въ своей Боговраждебности міръ (11 гл.). Но это зрѣлище предваряется нѣкоторыми величественными явленіями, вводящими Тайнозрителя въ новый рядъ откровеній (гл. 10). Прослѣдимъ сначала сіи вступительныя явленія и раскроемъ, по возможности, ихъ значеніе.

И видѣхъ инаго Ангела крѣпка сходяща съ небесе, оболченъ во облакъ, и дуга (радуга) надъ главою его, и лице его яко солнце и нозѣ его яко столпы огненны, и имѣяше въ руцѣ своей книгу разгибену, и постави ногу свою десную на мори, а шуюю на земли (X, 1—2). Таково первое таинственное явленіе въ этой вступительной части.

Ангелъ крѣпкій принадлежитъ къ сонму вѣрныхъ и святыхъ Ангеловъ Божіихъ, какъ видно уже изъ свѣтоноснаго и прославленнаго его вида, созерцаемаго Іоанномъ. Онъ долженъ быть одинъ изъ первенствующихъ служителей судьбы Божіихъ, открываемыхъ Апостолу, ибо онъ вѣдаетъ судьбу времени (ст. 6), обладаетъ нѣкоторою, готовою совершиться, тайною Божіею (ст. 7) и располагаетъ книжицею пророчесственныхъ откровеній, вручаемыхъ Іоанну (ст. 10 и 11). Онъ

является *крупкимъ*: видно, что служеніе его, и слѣдовательно, совершеніе судебъ Божіихъ при его служеніи, будетъ ознаменовано особеннымъ могуществомъ. Онъ сходитъ съ *небесе*, подъ которымъ не только разумѣется ангельскій небесный міръ, но подъ именемъ и образомъ котораго выше (гл. 4) явлена область и самой странствующей на земли Церкви: это значитъ, что событія, въ которыхъ будутъ совершаться судьбы Божіи при служеніи сего небожителя, раскроются изъ области Христовой Церкви. Онъ *оболченъ* или *окруженъ облакомъ*. Изъ ветхозавѣтныхъ явленій (Исх. XL, 34—35. 3 Царст. VIII, 11) извѣстно, что *облако* есть символъ славы; отсюда открывается, что служеніе сего Ангела и, слѣдовательно, совершаемая при его посредствѣ судьбы Божіи должны ознаменоваться и сопровождаться великолѣпнымъ славы. *Радуга надъ главою его* есть знаменіе мира, долженствующаго открыться въ его служеніе; ибо радуга есть символъ мира, какъ было уже прежде показано нами (при изъясненіи 4 гл., ст. 3). *Лице Его яко солнце, и нозѣ Его яко столпы огненны*: солнце есть символъ *животворнаго* могущества или *благодѣтельной* славы (см. Малах. IV, 2); огненные столпы внушаютъ мысль о *грозномъ* величій. Въ подобномъ сему свѣтоносномъ образѣ явился Самъ Христосъ Іоанну вначалѣ Апокалипсическихъ видѣній: *и нозѣ Его... якоже въ пещи ражженны... и лице Его якоже солнце сіяетъ въ силу своей* (Апок. I, 15—16). Дѣйствительно, Самому Христу или полнотѣ Его благодати, истины и славы, принадлежить, въ своемъ основаніи, величественная свѣтоносность небесныхъ духовъ. Такимъ образомъ, величественная благодѣтельность и грозность, въ видѣ и лицѣ Ангела, есть раскрытіе собственно Христова свѣта, спасающаго вѣрующихъ и потребляющаго враждебныхъ; таковъ свѣтъ данъ земнороднымъ именно въ христіанствѣ и открытъ всегда въ Христовой Церкви. Итакъ, назначеніе Ангела, явившагося Тайнозрителю, судя по виду его лица и ногъ, должно состоять въ томъ, чтобы послужить открытію свѣтозарной славы и грознаго величія христіанства.

И *имѣяше въ руцѣхъ своей книгу разгибену*, т.-е., съ греческаго, собственно «книжку раскрытую». Значеніе этой «книжки» изъясняется изъ того, что, далѣе, она была предложена Тайнозрителю на снѣденіе, и что по снѣденіи ея.

Апостолъ долженъ былъ отрыгнуть новыя пророчества о мірѣ (ст. 9—11). Такая книжица, очевидно, есть сткровеніе новыхъ судебъ Церкви и міра, и слѣдовательно Ангелъ, явившійся съ нею, назначенъ открыть міру и Церкви новое поприще ихъ судебъ. Книга въ *руцѣ* Ангела *разгнбена*, не такъ, какъ прежде видѣнная Іоанномъ, которая была не только закрыта, но и запечатана семью печатами, такъ что никто изъ всего міра не могъ разгнуть и прочитатъ эту книгу, и св. Тайновидецъ-Богословъ горько о томъ плакалъ (V, 1—14). Видно, что новыя судьбы, какія откроетъ этотъ Ангелъ въ мірѣ, не будутъ представлять ничего затруднительнаго, примрачнаго и тяжело-невѣдомаго; для вѣры онѣ будутъ просты, понятны и ясны, какъ раскрытая книжка; сказать то же другими словами: видно, что Церковь, во время предъявленнаго Іоанну служенія сего Ангела въ нашемъ мірѣ, будетъ въ совершенно инаковомъ положеніи, нежели въ какомъ она была во время происхожденія Апокалипсиса, т.-е. вопреки мракамъ, облежавшимъ Церковь со стороны іудейства и язычества, откроются тогда для Церкви свѣтлыя виды и въ настоящемъ, и на будущее...

И постави ногу свою десную на мори, а шуюю на земли. *Море*, на апокалипсическомъ зрѣлищѣ природы, выше уже раскрытомъ, есть шумное, всегда подвижное, часто бурное море мірской общественной жизни, съ ея обстоятельствами, событіями и переворотами. *Земля*, по значенію, прежде также уже раскрытому, есть твердая область земного общественнаго устройства съ его законами и постановленіями. Выше на зрѣлище апокалипсическихъ видѣній, какъ это оправдано уже самими событіями, изведена именно Римская Имперія, и еще доселѣ не рѣшились ея судьбы; слѣдовательно, подь *землею* и *моремъ* разумѣется общественная жизнь и устройство именно Римской Имперіи (разумѣется въ образъ и урокъ всѣмъ царствамъ земнымъ). И на семь-то *морѣ* и *землѣ* утверждаются величественно-грозныя стопы явившагося Ангела, не возмущая впрочемъ перваго и не колебля другой: *и постави ногу свою десную на мори, а шуюю на земли.* Это показываетъ, что небесный служитель и поборникъ христіанства величественно и твердо станетъ въ области государственной жизни и гражданскаго порядка Римской Имперіи, и такое торжество христіанства въ Имперіи,

доселѣ столь враждебной христіанству, произойдетъ безъ насильственныхъ потрясеній государства, какъ спокойное поставленіе стоишь пѣшехода на извѣстномъ мѣстѣ.

Отъ раскрытія смысла означенныхъ принадлежностей и вида ангельскаго обращаясь къ исторіи торжества христіанской вѣры, (послѣдовавшаго именно при Равноапостольномъ Константинѣ), не можемъ не дивиться тому, съ какою точностію исполнилось пророчественное видѣніе въ самыхъ событіяхъ. Обстоятельства сего торжества вѣры христіанской должно только разсматривать въ существенномъ ихъ значеніи и характерѣ, и возвышаться къ созерцанію ангельскаго служенія, при совершеніи такого торжества вѣры (ибо побѣдоносные подвиги вѣры и Церкви совершаются непременно при служеніи Ангеловъ, Евр. I, 14). И тогда умосозерцателю откроется дѣйствующимъ въ оныхъ обстоятельствахъ Ангель, могущественный поборникъ христіанства, исходящій въ дольний міръ политической изъ горней области Церкви, въ облакѣ славы, въ радужномъ сіяніи міра, съ животворностію солнечнаго свѣта, но вмѣстѣ и съ грозною готовностію низложить и попрасть враждебныхъ; онъ износитъ міру и Церкви новыя судьбы, не возбуждающія уже тяжкихъ недоумѣній, какъ предшествующія; онъ въ своемъ значеніи служителя и поборника христіанства, величественно и твердо становится въ областяхъ государственной жизни и гражданскаго устройства Имперіи Римской.

Что великій переворотъ, произведенный въ мірѣ Равноапостольнымъ Константиномъ, совершался при споспѣшествованіи и подѣ распоряженіемъ горняго міра, это извѣстно и изъ открытыхъ вышеестественныхъ явленій, бывшихъ при семъ переворотѣ. Таково въ особенности явленіе Креста, составленнаго изъ свѣта, видѣнное Константиномъ и войскомъ его (въ войнѣ съ Максенціемъ), какъ въ семъ самъ Равноапостольный съ клятвою увѣрялъ лично Евсевія, извѣстнаго историка церковнаго. «Царь получилъ,—пишетъ Евсевій (въ 1 кн., 28 гл. «О жизни Константина»),—удивительнѣйшее, посланное отъ Бога знаменіе, такъ что и повѣрить было бы не легко, если бы говорилъ кто другой. Но насъ съ клятвою увѣрялъ въ этомъ самъ побѣдоносный царь... Однажды, въ полуденные часы дня, когда солнце начало склоняться уже къ западу,—говорилъ царь,—я собственными очами видѣлъ

составившееся изъ свѣта и лежавшее на солнцѣ знаменіе креста, съ надписью: «Симъ побѣждай!» Это зрѣлище объяло ужасомъ какъ его самого, такъ и войско, которое продолжало созерцать явившееся чудо». Были и другія подобныя благодатныя явленія только одному Константину.

Слава и миръ, какъ существенный характеръ совершившагося при Константинѣ переворота, открываются въ томъ, что доселѣ гонимое христіанство изъ этого своего кроваваго подвига вышло побѣдоноснымъ и господствующимъ въ Имперіи, и что сама Имперія изъ хаоса политическихъ неурядицъ, какія уже были испытаны ею и еще болѣе угрожали, вышла возрожденною для новой государственной жизни подъ осѣненіемъ Креста, съ новою христіанскою етолицею на Востокѣ. Грозное величіе, ознаменовавшее этотъ переворотъ, проявилось въ побѣдоносномъ низложеніи Равноапостольнымъ царемъ трехъ равносильныхъ ему по власти поборниковъ язычества: Максенція, Максимиана и Ликинія, и въ возстановленіи единодержавія въ Имперіи. А солнечная свѣтозарность, радующая и оживляющая міръ, сіяла въ правленіи и въ самомъ Константинѣ, такъ что онъ дѣйствовалъ то какъ полководецъ, то какъ законодатель, и всегда къ пользѣ подданныхъ (Лоренцъ, 128 стр.) и къ возвеличенію Церкви христіанской. Такимъ образомъ, открылись радостныя виды въ настоящемъ и на будущее; новыя судьбы міра и Церкви легко и свободно читались, какъ по раскрытой *книжницѣ*. Все это подтвердимъ выписками изъ современнаго симъ событіямъ историка Евсевія Кесарійскаго. Евсевій такъ изображаетъ вступленіе Константина въ Римъ послѣ пораженія и гибели Максенція: «Константинъ съ торжествомъ вступилъ въ царственный городъ. Тотчасъ всѣ, и члены Сената, и другіе высшіе и знатные сановники, со всѣмъ римскимъ народомъ, какъ бы освободившись отъ оковъ, приняли его съ веселыми лицами и сердцами, съ благословеніями и невыразимой радостію. Въ то же время мужья съ женами, дѣтьми и тьмою рабовъ громогласно и неудержимо провозглашали его своимъ избавителемъ, спасителемъ и благодѣтелемъ...» (О жизни Константина, кн. 1, гл. 39). Далѣе такъ описывается радость Имперіи и всепрощеніе, дарованное Константиномъ: «и всѣ жители города, весь сенатъ и народъ, какъ бы отдохнувъ отъ горькаго и тиран-

скаго владычества, казалось, вдругъ начали наслаждаться чистѣйшими лучами свѣта и приняли жребій перерожденія въ новую жизнь. Въ то же время праздновали и всѣ народы, граничившіе съ Западнымъ Океаномъ. Освободившись отъ прежнихъ золъ и свѣтлю веселье по случаю великихъ торжествъ, они прославляли доблестнаго побѣдителя, Богочитителя и общаго благодѣтеля; всѣ единогласно и едиными устами сознавались, что Константинъ, по благодати Божіей, сіяетъ для людей общимъ благомъ. Къ тому же вездѣ читали царскую грамоту, которою отнятыя имущества возвращались ихъ владѣтелямъ, невинно потерпѣвшіе ссылку вызывались на родину и пр.» (гл. 41). Благотворительность Равноапостольнаго Евсеvія представляетъ именно въ образѣ солнечнаго сіянія: «Какъ солнце, восходя надъ землею, щедро проливаетъ на всѣхъ лучи своего свѣта, такъ и Константинъ, вмѣстѣ съ восходомъ солнца, выходя изъ царскаго дворца и не отставая отъ небснаго свѣтила, обильно проливалъ на всѣхъ встрѣчавшихся свѣтлые лучи своихъ благотвореній. Не было человѣка, который, приближаясь къ нему, не получилъ бы какого-либо блага; не было и такихъ, которые, ожидая отъ него помощи, обманулись бы въ доброй своей надеждѣ» (гл. 43). Состояніе же Имперіи и Церкви, по изложеніи Константиномъ послѣдняго языческаго тирана (Ликинія), такъ описывается Евсеvіемъ: «Итакъ теперь, по изложеніи людей нечестивыхъ, лучи солнца не озаряли уже тиранскаго владычества: всѣ части Римской Имперіи соединились въ одно, всѣ народы Востока слились съ другою половиною государства, и цѣлое украсилось единствомъ власти, какъ бы единою главою; все начало жить подъ владычествомъ единодержавія. Свѣтозарное сіяніе благочестія сидѣвшимъ прежде во тьмѣ и сѣни смертной доставило дни радостные: не было больше и памяти о минувшихъ бѣдствіяхъ; всѣ и всюду прославляли побѣдителя и соглашались признать Богомъ только Того, Кто даровалъ ему спасеніе. А сильный во всякомъ родѣ благочестія царь-побѣдитель—ибо за побѣды, дарованныя ему надъ всѣми врагами и противниками, такое онъ получилъ собственное наименованіе—принялъ Востокъ, и, какъ было въ древности, соединилъ въ себѣ власть надъ всею Римскою Имперіею. Первый проповѣдавъ всѣмъ еди-

новластительство Бога, онъ и самъ царствовалъ надъ римлянами и управлялъ всѣмъ міромъ единовластительно. Исчезъ всякій страхъ бѣдствій, которыя предъ тѣмъ всѣхъ удручали, и люди, до того времени поникшіе взоромъ, теперь смотрѣли другъ на друга съ улыбающимися лицами и свѣтлыми глазами... Забыли они о минувшихъ бѣдствіяхъ и всякомъ несчастіи и, наслаждаясь настоящими благами, ожидали будущихъ»...

Какъ твердо христіанство вошло, подъ ангельскимъ распоряженіемъ, въ область государственной жизни и государственнаго устройства Имперіи, доселѣ упорной во враждѣ противъ христіанства, это болѣе всего видно изъ императорскихъ законовъ и воззваній въ пользу и славу христіанства, и изъ принятія оныхъ подданными безъ всякихъ безпокойныхъ движеній. Крестъ, за три столѣтія доселѣ бывшій для римлянъ только символомъ преступленія и позора ¹⁾, Крестъ Христовъ, еще за десятилѣтіе нетерпимый властями и народомъ Римской Имперіи, теперь украшаетъ знамена воинскія и служитъ украшеніемъ публичному памятнику побѣды ²⁾, какъ знаменіе спасающей и побѣдоносной благодати ³⁾. Лоренцъ съ удивленіемъ говоритъ: «За одиннадцать лѣтъ предъ симъ Императоры хотѣли эдиктомъ подавить христіанскую религію, а теперь ихъ легіоны украшаются ея символами, молятся ея словами и приписываютъ свою побѣду Божескому чуду (стр. 127, Истор. Лор.). И такой переворотъ, что доселѣ нетерпимая религія вдругъ является господствующею въ Имперіи и вѣковое языче-

¹⁾ Цицеронъ говоритъ: *Nomen ipsum crucis absit non modo a corpore civium Romanum, sed etiam a cogitatione, oculis, auribus* (изъ рѣчи за Рибирія).

²⁾ Послѣ побѣды надъ Максентиємъ, въ Римѣ была вoadвигнута статуя, представляющая самого Константина съ крестовиднымъ копіемъ въ рукѣ (Евсев. жн. 1 гл. 40).

³⁾ При крестообразномъ копѣѣ, въ указанномъ выше изображеніи Константина, была утверждена слѣдующая надпись отъ лица самого Равноапостольнаго государя: „этими спасительнымъ апаменіемъ, истиннымъ доказательствомъ мужества, я спасъ и освободилъ вашъ городъ отъ ига тирана, и, по освобожденіи его, возвратилъ Римскому Сенату и народу прежній блескъ и знаменитость“ (въ той же глав. Евсевій Истор. о жизни Константина).

ство низлагается гонимую имъ столь долго и жестоко Церковію, не потрясаетъ государственнаго устройства и не возбуждаетъ смятеній въ общественной жизни. Напротивъ, преобразование формъ государственныхъ, учиненное жесточайшимъ гонителемъ христіанства—Діоклитіаномъ, чрезъ Константина Великаго мирно довершается и подчиняется христіанству. Порядокъ государственной жизни не нарушается, а возсозидается и утверждается. Такъ Ангелъ христіанства поставилъ свои стопы, истинно, какъ огненные столпы, на *морь и землю!*

Явившійся въ раскрытомъ уже нами видѣ Ангелъ *возопи гласомъ великимъ, яко левъ рыкая: и егда возгласи, глаголаша семь громовъ гласы своя. И егда возгласиша семь громовъ гласы своя, хотѣхъ писати: и слышахъ гласъ съ небесе глаголющъ ми: запечатлѣй, яже глаголаша семь громовъ, и сего не пиши* (3—4). Такова другая часть видѣнія вступительнаго или переходнаго отъ прежнихъ откровеній къ новому ихъ ряду.

Связь съ предъидущимъ приведенныхъ и послѣдующихъ стиховъ состоитъ въ томъ, что выше (т.-е., въ первыхъ двухъ ст. главы) изображено явленіе и видѣ Ангела служителя и поборника христіанства, а отселѣ (т.-е., начиная съ 3 ст. до конца главы) представляются дѣйствія этого крѣпкаго Ангела. Посему, если выше (въ первыхъ двухъ стихахъ) содержится откровеніе о переворотѣ, произведенномъ чрезъ торжество и господство христіанской вѣры, открывшіяся въ Имперіи при Равноапостольномъ Константинѣ (что нами показано, какъ оправданное самими событіями); то теперь (начиная съ 3 ст. до конца главы) обозначаются послѣдствія этого переворота, имѣвшія раскрываться изъ него же, какъ изъ своей причины или сѣмени. Впрочемъ, по изъясненной выше связи настоящей главы съ послѣдующими, какъ содержащей нѣкотораго рода вступленіе въ откровенія, излагаемая въ слѣдующихъ главахъ, послѣдствія переворота въ судьбахъ Церкви и міра обозначаются въ этой главѣ не иначе, какъ въ чертахъ самыхъ общихъ, а обстоятельное раскрытіе сихъ послѣдствій, излагается уже въ слѣдующихъ главахъ. Такъ, напр., въ разсматриваемой главѣ о *дняхъ гласа седмаго Ангела* сказано только вообще, что въ эти дни, *егда имать вострубити седмый Ангелъ, совершится*

тайна Божія, сообразно съ благовѣствованіемъ пророковъ (ст. 7). Но ниже (XI, 14—19), гдѣ апокалипсическія видѣнія доходятъ до времени, въ которое *седмый Ангелъ воструби*, означенная *тайна Божія* открывается обстоятельно и опредѣленно: «царство міра сдѣлалось царствомъ Господа нашего и Христа Его» и проч. (стр. 15 и сл.). Такимъ образомъ, послѣ указанія на переворотъ въ судьбахъ міра, происшедшій при Равноапостольномъ, въ разсматриваемой главѣ обозначаются послѣдствія сего переворота не иначе, какъ только въ *предварительномъ общемъ* предначертаніи послѣдующихъ судебъ міра и Церкви, которыя обстоятельно раскрываются уже далѣе въ Апокалипсисѣ. Съ такой точки зрѣнія и будемъ разсматривать изображеніе дѣйствій Ангела.

Возопи гласомъ великимъ, яко левъ рыкая. Левъ; какъ царственный звѣрь, есть символъ царственной силы и власти; рыканіе льва, чрезъ которое царственный звѣрь даетъ знать о себѣ на далекое разстояніе или пространство, означаетъ чрезвычайность и обширность царственной силы и власти. Посему, въ отношеніи къ Ангелу, служителю и поборнику христіанства, символъ львова рыканія указываетъ на то, что за христіанство будутъ поборать, подъ распоряженіемъ Ангельскимъ, чрезвычайныя и обширныя дѣйствія царственной власти и силы. *И егда возгласи, глаголаша семь громовъ гласы своя.* «Слыша звуки грома, хотя мы и не разумѣемъ ихъ такъ ясно и раздѣльно, какъ нѣкогда сынъ Громовъ разумѣлъ таинственные гласы семи громовъ; однако, чувствуемъ, что они намъ возвѣщаютъ величіе Божіе», говоритъ отечественный славный проповѣдникъ и пастырь церкви (Слова и рѣчи Филарета, М. Московскаго, т. 1, стр. 131, изд. 1844 г.).

Такъ громъ естественно есть символъ торжественнаго провозглашенія о Богѣ; самъ Іоаннъ Богословъ названъ отъ Господа, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Іаковомъ, именемъ *сыномъ грома*, безъ сомнѣнія, въ томъ смыслѣ что назначенъ былъ торжественно возглаголетъ о Богѣ: Словѣ,—по крайней мѣрѣ, такъ Церковь истолковываетъ въ отношеніи къ св. Іоанну Богослову названіе *сына грома* (смотри церковную службу на память этого св. Апостола). Раздѣльные и вразумительные для Тайнозрителя гласы громовъ показы-

вають, что торжественныя провозглашенія о Богѣ, знаменуемая громами, будутъ ясныя и опредѣлительныя и будутъ раздѣляться одно отъ другого. Семь громовъ означаютъ такое же число этихъ торжественныхъ провозглашеній о Богѣ, взаимно-раздѣльныхъ и ясно опредѣленныхъ. Громы естественно раздаются съ небесъ: посему семь громовыхъ раздѣльныхъ вѣщаній о Божествѣ надобно слушать или искать именно въ области Церкви, знаменуемой небесами. Эти семь громовъ дали свои гласы въ соотвѣтствіе гласу Ангела, который былъ подобенъ рыканію льва: значить, что эти семь торжественныхъ и точно опредѣленныхъ провозглашеній о Богѣ имѣли послѣдовать въ Церкви по чрезвычайнымъ и обширнымъ дѣйствіямъ царственной власти, поборающей за христіанскую вѣру. *И егда возгласиша семь громовъ гласы своя, хотѣхъ писати:* Ап. Іоаннъ желаетъ изложить мысль означенныхъ вѣщаній о Богѣ, конечно, слѣдуя первоначальному Христову повелѣнію описывать видѣнія (I, 19). Но настоящее откровеніе было исключено изъ общаго порядка: *слышахъ,—говоритъ Богословъ - Тайновидецъ,—гласъ съ небесе глаголющъ ми: запечатлѣй; яже глаголаша семь громовъ, и сего не пиши.* Итакъ, по внутреннему устройству земного неба—Церкви, видно, требовалось, чтобы смыслъ означенныхъ семи вѣщаній о Богѣ открылся во всеобщую извѣстность не ранѣе того времени, когда семь таинственныхъ громовъ услышатся въ самой дѣйствительности. Говорившій съ неба съ властію надъ употребленіемъ Божественныхъ откровеній, есть, конечно, Царь Небесный, Духъ Святой, Который есть и пребудетъ въ Церкви во вѣкъ, вѣдая и удовлетворяя всѣ ея потребности. •

Обратимся къ исторической дѣйствительности, и посмотримъ или вслушаемся: какія въ Церкви семь торжественныхъ и ясно опредѣленныхъ провозглашеній о Богѣ, которыя громовымъ образомъ огласили міръ по чрезвычайнымъ распоряженіямъ царственнымъ, и смыслъ которыхъ, по внутреннему порядку въ Христовой Церкви, могъ открыться во всеобщую извѣстность не ранѣе осуществленія этихъ семи громовъ въ самой дѣйствительности? Прямымъ послѣдствіемъ того переворота, что христіанство явилось господствующимъ въ Римской Имперіи былъ начатый самимъ равноапостольнымъ Константиномъ рядъ именно *семи* Вселен-

скихъ Соборовъ, торжественнымъ и точнымъ образомъ провозглашавшихъ самыя главныя и существенныя истины Боговѣдѣнія, собираемыхъ и дѣйствовавшихъ по распоряженіямъ (верховой власти христіанскихъ императоровъ ¹⁾). Определенный смыслъ громовыхъ ихъ голосовъ, извѣстный уже Тайнозрителю, получалъ общеизвѣстность не иначе, какъ черезъ самыя эти соборы. Казалось, что лучше бы смыслъ сихъ вселенскихъ гласовъ изложить съ точностію прежде всякихъ ересей въ Церкви, какъ Апостолъ и хотѣлъ написать, что такое изглаголали седмь оныхъ громовъ. Но если бы опредѣленія этихъ соборовъ были открыты всѣмъ заранѣе, то не было бы и поприща для ревности правой вѣры противъ ересей, и не было бы и случаевъ къ раздѣленію пшеницы или искренно преданныхъ чистой Христовой истинѣ отъ плевель, т.-е. отъ людей, любящихъ суемудріе лжи, и такимъ образомъ; не было бы и самихъ Вселенскихъ Соборовъ. Итакъ, по самому свойству земного церковнаго устройства, громовые гласы седми Вселенскихъ Соборовъ не могли открыться во всеобщую извѣстность ранѣе времени самихъ Соборовъ. Потому-то они и въ Апокалипсисѣ намѣренно оставлены подъ печатію ненаписанной тайны. Течение обстоятельствъ и самый характеръ времени Вселенскихъ Соборовъ въ своей послѣдовательности откроется уже въ слѣдующей главѣ.

Новое дѣйствіе Ангела—поборника христіанства: *и Ангелъ, егоже видѣхъ стояща на мори и на земли, воздвиже руку свою на небо и кляется Живущимъ во вѣки вѣковъ, Иже созда небо и яже на немъ, и землю, и яже на ней, и море, и яже съ немъ, яко льта (времени) уже не будетъ, но во дни гласа седмаго Ангела, егда имать вострубити, тогда скончается тайна Божія, якоже благовѣсти Своими рабы пророки* (ст. 5—7). По обычаю нашему, изъяснимъ здѣсь сначала частности неудобовразумительныя; а потомъ изло-

¹⁾ „Слѣдствіемъ соединенія Церкви съ государствомъ, — говоритъ Лоренцъ, повѣствуя о Констанціѣ—было то, что не только церковная, но и гражданская власть имѣла бдительнѣйшее попеченіе о чистотѣ исповѣданія православной вѣры. Съ этого времени и каждое уклоненіе отъ всеобщаго ученія Церкви принималось было за желаніе нарушить порядокъ и спокойствіе государства.“ Такъ, по мнѣнію Лоренца, произошли Вселенскіе Соборы.

жимъ общую мысль сего мѣста, съ оправданіемъ ея событіями.

Воздвигже руку свою на небо и клятсѣ Живущимъ во вѣки вѣковъ. Изъ Ветхаго Заѣвта извѣстно, что не только св. Ангель клялся *Живущимъ во вѣки* о прекращеніи жесточайшаго языческаго преобладанія надъ святыми (Дан. XII, 7), но и Самъ Господь Вседержитель, въ непреложности совѣта Своего о благодатномъ спасеніи избранныхъ и о низложеніи ихъ враговъ, и именно язычниковъ, удостовѣрялъ такую же клятвою: *Воздвигну на небо руку Мою и кленусь десницею Моею, и реку: живу Азъ во вѣки: яко поострю якоже молнію мечъ Мой, и приметъ судъ рука Моя, и воздамъ мечь врагомъ и ненавидящимъ Мя воздамъ. Упою стрѣлы Мои крове... отъ главъ князей языческихъ* (Втор. XXXII, 40—42). Ангель въ Апокалипсисѣ своею клятвою напоминаетъ именно эту самую клятву Господа Вседержителя, тѣмъ болѣе, что судъ Божій надъ язычниками, подобный указанному въ приведенномъ мѣстѣ изъ Второзаконія, торжествуется Церковію и *во дни седмаго Ангела* (см. XI, 17—18), которые имѣеть въ особенномъ виду и настоящей крѣпкій Ангель (X, 7). Св. Ангель какъ бы такъ говоритъ въ своей клятвѣ: «Возвѣщаемое мною также вѣрно и непреложно, какъ непреложно живетъ во вѣки. Всевышній и какъ вѣрна клятва не только Имъ, но и Его Самого о спасеніи избранныхъ и о судѣ надъ враждебнымъ язычествомъ».

Иже созда небо и яже на немъ, и землю и яже на ней, и море, и яже въ немъ. Такъ какъ Ангель клятвою своею увѣряеть въ томъ, что времени уже не будетъ; то онъ употребляетъ и образъ клятвы, соответственный съ представленіемъ о *времени*. Такъ онъ клянеться, во-первыхъ, Вѣчнымъ, Который, Самъ не ограничиваясь временемъ, силенъ положить предѣлъ времени; во-вторыхъ, клянеться *Создавшимъ небо*, какъ духовное, котораго обитатели—святыя души, между прочимъ, поставлены блюсти и направлять порядокъ всего временнаго ко спасенію людей, такъ и видимое, котораго свѣтила поставлены служить знаменіемъ для порядка временъ,—*Создавшимъ землю и море*, которыя, со вѣми своими обитателями и предметами, подчинены закону времени; сказать то же иначе: клянеться Тѣмъ, въ десницѣ Ко-

того содержатся стражи, условия и вся область времени. Но при этомъ не должно терять изъ виду, что Создавшимъ небо, и землю, и море клянется Ангелъ, самъ стоя одною ногою на землѣ, другою на морѣ. А въ семъ послѣднемъ случаѣ *земля и море*, какъ и само по себѣ понятно и выше пояснено и оправдано самими событіями, имѣютъ значеніе иносказательное. Слѣдовательно, не только буквально, но и иносказательно должно разумѣть *землю и море* и въ самой клятвѣ Ангела; ибо въ одномъ и томъ же мѣстѣ, одни и тѣ же предметы разумѣть въ различныхъ смыслахъ было бы странно. По связи съ землею и моремъ нельзя разумѣть въ буквальномъ смыслѣ, и *небо, и яже на немъ*. *Земля* значить, какъ извѣстно уже намъ, земное или государственное устройство; *море*—общественную жизнь; *небо*—ближайшимъ образомъ облегающее такую *землю* и такое *море* есть та высшая область въ государствѣ, которую можно назвать умственной областію государственныхъ идей, движущихъ болѣе или менѣе вообще всѣхъ и каждаго, особенно же выясняемыхъ и выражаемыхъ науками и искусствами. Въ семъ смыслѣ прежде и были изъяснены нами свѣтила небесныя (VIII, 12). Впрочемъ, и вообще въ мірѣ, и тѣмъ болѣе въ христіанской державѣ, которая выше уже таинственно назнаменована, небо умственной области идей непремѣнно должно глубоко соприкасаться съ небомъ духовно-благодатной области Церкви Христовой. Въ этомъ внутреннемъ соприкосновеніи съ небомъ благодатнаго Царства и представляется здѣсь небо умственной области; ибо Ангелъ, кляняся *Создавшимъ небо и яже на немъ*, самъ подымлетъ руку къ небу, которое въ семъ случаѣ, безъ сомнѣнія, знаменуетъ прямо небесное Христово Царство. Отношеніе этихъ иносказательныхъ—*земли, моря и неба ко времени*, о прекращеніи котораго говоритъ св. Ангелъ, раскроется вполне по изъясненіи значенія *времени*.

Лѣта (греч., время) *уже не будетъ*. Что здѣсь время разумѣется не въ безотносительномъ смыслѣ, это ясно и несомнѣнно. Ибо послѣ того, какъ Ангелъ съ клятвою провозгласилъ, что «времени уже не будетъ», тотъ же самый Ангелъ внушаетъ Тайнозрителю, что ему предлежитъ еще пророчествовать о новыхъ событіяхъ и народахъ, и слѣдовательно, о новыхъ временахъ (ст. 11). Итакъ время, въ безотноситель-

номъ смыслѣ, въ послѣдствіи еще должно было и имѣло продолжаться, по смыслу словъ того же самого св. Ангела. Въ какомъ же отношеніи разумѣется *время*, котораго *уже не будетъ*? Чтобы рѣшить, какого времени уже не будетъ отселѣ, надобно обратить вниманіе на то, какое время было до-селѣ. До Равноапостольнаго Константина или до господства въ Римской Имперіи христіанства, было время преобладанія язычества, въ духѣ котораго были въ Имперіи и просвѣщеніе, и общественная жизнь, и государственный порядокъ. Слѣдовательно, этого то времени преобладающаго язычества и не должно быть уже, по клятвенному удостовѣренію безплотнаго поборника христіанской вѣры. Теперь само собою открывается внутреннее отношеніе къ сему времени, *земли*—государственнаго устройства; *моря*—общественной жизни, и *неба*—умственныхъ занятій и предметовъ, отсвѣчивающихъ болѣе или менѣе свѣтомъ горнимъ, Христовымъ, принадлежащимъ въ своей полнотѣ и чистотѣ—*небу* Церкви; это есть отношеніе такое же, въ какомъ отношеніи къ обыкновенному времени находятся видимое небо, земля и море: Время преобладанія язычества опредѣлялось умственнымъ направленіемъ и держало въ своихъ границахъ, какъ общественную жизнь, такъ и все государственное устройство Имперіи. Этого то столь тяжкаго для Церкви времени, въ которое столько пролито было христіанской крови отъ язычниковъ; уже не будетъ отселѣ: идеи, жизнь общественная, устройство государственное будутъ направляться и оживляться сознательно и прямо уже вѣчнымъ Духомъ Христовымъ. Отсюда объясняется, почему Ангеломъ провозглашено столь таинственно и рѣшительно: «времени уже не будетъ». Не будетъ уже времени въ привременно-суетномъ характерѣ; каково время у язычниковъ; будетъ, съ господствомъ христіанства, время у людей осѣняться вѣніемъ вѣчности—Духомъ Христовымъ. (Ниже мы нѣсколько разъ будемъ замѣчать, что самое исчисленіе дальнѣйшаго времени въ Апокалипсисѣ запечатлѣвается нѣкоторымъ таинственнымъ ображеніемъ этого времени съ Христовымъ дѣломъ или служеніемъ на землѣ).

Тогда скончается тайна Божія, якоже благовѣсти Своими рабы пророки. Къ изъясненію этой тайны Божіей могутъ служить руководствомъ, во-первыхъ, подобныя мѣста.

въ Н. Завѣтѣ, и именно у Ап. Павла; во-вторыхъ, нижеслѣдующее въ самомъ Апокалипсисѣ изображеніе того, что именно имѣло совершиться *во дни седмаго Ангела*; ибо тайна Божія имѣла скончатся, какъ прямо здѣсь сказано, *во дни седмаго Ангела, егда онъ имать вострубить*. Мѣста изъ посланій Ап. Павла относятся сюда слѣдующія: Въ посланіи къ Ефесеямъ, Апостоль даетъ понятіе о тайнѣ Христовѣ, яже во *имѣхъ родѣхъ* не сказанъ сыномъ человеческимъ, якоже нынѣ отккрыся святымъ Его Апостоламъ и Пророкамъ Духомъ Святымъ: яко быти языкамъ снаслѣдникомъ и стѣлесникомъ, и спричастникомъ обѣтованія Его о Христѣ Иисусѣ, *благовѣствованіемъ* (Еф. III, 5—6). Подобно и въ посланіи къ Колоссеямъ говоритъ Апостоль о той же тайнѣ Божіей, *сокровенной отъ вѣкъ и родовъ, которая нынѣ явися Святымъ Его, имѣже восхотѣ Богъ сказати, кое богатство славы тайны сея во языцѣхъ, иже есть Христосъ* (Кол. I, 26—27). Также въ посланіи къ Римлянамъ Апостоль говоритъ объ откровеніи тайны, *лѣты вѣчными умолчанныя, явльшіяся же нынѣ писаніи пророческими,.... въ послушаніе вѣры во всѣхъ языцѣхъ познавшіяся* (XIV, 24—25). Тайна Божія, какую благовѣствовалъ Богъ рабамъ Своимъ пророкамъ (какъ сказано въ Апокалипсисѣ), и тайна, открытая отъ Бога святымъ Его, *явившаяся писаніи пророческими* (какъ сказано въ посланіяхъ Павловыхъ)—суть понятія, очевидно, тождественныя. Но въ посланіяхъ Ап. Павла эта тайна Божія изъяснена, какъ тайна Христовой благодати, призывающей и язычниковъ ко спасенію чрезъ послушаніе вѣры. Слѣдовательно, въ этомъ же самомъ должна состоять и тайна Божія, благовѣствованная отъ Бога рабамъ Своимъ пророкамъ, о которой сказано въ Апокалипсисѣ. Что дѣйствительно сія тайна Божія есть тайна рѣшительнаго торжества Христовой благодати надъ язычествомъ, это прямо показано далѣе въ Апокалипсисѣ. Тайна Божія имѣла совершиться *во дни седмаго Ангела*. Когда же седьмой Ангелъ вострубилъ, то слышны были такіе гласы на небѣ: «царство міра содѣлалось царствомъ Господа нашего и Христа Его». И далѣе: «Благодаримъ Тебя, Господи... что Ты пріялъ великую силу Твою и воцарился; и когда разсвирѣпѣли язычники, пришелъ гнѣвъ Твой» и проч. (Апок. XI, 15—18). Ясно, что въ этихъ словахъ провозглашается рѣшительное

торжество христіанства надъ язычествомъ и конечное низложеніе послѣдняго. Вотъ какая тайна судебъ Божіихъ имѣла совершиться въ дни седмаго Ангела! Эта тайна выражалось, только не совсѣмъ точно и прямо, еще въ писаніяхъ ветхозавѣтныхъ пророковъ, вполнѣ раскрылась и разъяснилась въ новозавѣтномъ благовѣстїи, и, вслѣдствіе переворота, произведеннаго Равноапостольнымъ Константиномъ, должна была оказаться готовою окончательно и всецѣло совершиться.

Изложимъ теперь общую мысль клятвеннаго удостовѣренія Ангела.

Безплотный могущественный поборникъ христіанства клялся такою клятвою, которою клялся Самъ Богъ, удостовѣряя въ непреложности Своего опредѣленія о низложеніи язычниковъ и о спасеніи отъ нихъ избранныхъ; клялся Тѣмъ, Кто не ограничивается никакимъ временемъ, а Самъ объемлетъ всѣ времена; клялся Тѣмъ, Кто, создавъ небо и землю, и море со всѣми тварями, въ нихъ существующими, чрезъ это самое назнаменовалъ въ Себѣ Самомъ коренное основаніе и для государственнаго устройства, и для общественной жизни, и для умственной области всего истиннаго, добраго и прекраснаго. И такую чрезвычайною клятвою онъ удостовѣрялъ въ томъ, что время преобладающаго язычества уже кончилось, что отселѣ умственная область будетъ свѣтить уже не язычеству, общественная жизнь будетъ раскрываться не изъ языческаго духа, гражданское устройство станеть развиваться не въ языческихъ формахъ и не изъ языческихъ началъ, а по вышевременному духу и началамъ Самого Христа Бога. Именно: по дѣйствию слѣдующаго и уже послѣдняго служителя суда Божія надъ язычествомъ, откроется древле-языческій (по событіямъ именно греко-римскій) міръ—во всемъ, какъ новый Богоизбранный Израиль: такъ рѣшительно должно быть изложено, во всѣхъ отношеніяхъ, древнее язычество. Въ такомъ торжествѣ Христовой благодати, уже начавшемся и скоро готовомъ окончательно совершиться, Ангель удостовѣряеть своею чрезвычайною клятвою!

Что съ Константиномъ Великимъ совершился точно такой переворотъ времени, это нѣтъ нужды и доказывать по общеизвѣстности этого. Исторія, прослѣдивъ послѣднія про-

явленія языческаго просвѣщенія и послѣднїя событія. язычествующей Имперїи, дѣлаеть такой выводъ: «Изъ обзорѣнія всего хода событїй видно, что все, возникшее изъ духовной жизни древняго міра, истощилось. Литература и искусства вступили на новую дорогу, такъ же, какъ и образъ правленія и государственное устройство, и все убѣждаетъ насъ въ той мысли, что древнее время кончилось и настало новое» (Лоренцъ). Время, начатое Константиномъ, и особенно четвертый вѣкъ есть время процвѣтанія христіанскаго просвѣщенія. Въ общественной жизни послѣдніе памятники язычества истреблены, при Θεодосїи Великомъ и при Граціанѣ. Зданіе государственнаго устройства на основанїяхъ христіанства совершенно особенно при Юстинїанѣ. Впрочемъ, о всемъ этомъ еще ниже будетъ случай и нужда говорить.

Спрашивается: почему о такой перемѣнѣ времени сообщено Ап. Іоанну откровеніе съ такою чрезвычайно клятвою?—Безъ сомнѣнія, по причинѣ крайней чрезвычайности самой этой перемѣны. Міръ язычeskїй, въ продолженіе столькихъ временъ продолжавшїйся и развивавшїйся, и особенно въ Римской Имперїи столь могущественный и жельзно-твердый, въ послѣдніе три вѣка такъ ожесточенно вооружившїйся противъ враждебнаго ему христіанства и еще такъ недавно мечтавшїй о рѣшительной надъ нимъ побѣдѣ, небесною силою сего самаго христіанства доводится до того, что, наконецъ, какъ тѣнь разсѣвается и исчезаетъ въ Имперїи отъ кроваво-гонимаго имъ христіанства, и открывается и начинается жить совершенно новый міръ—христіанскїй. Во всемъ этомъ и доселѣ слышится, въ самой силѣ и дѣйствїи исполненія своего, клятвенное слово Самого Господа о низложенїи язычества: *живу Азъ во вѣки...* Потому-то откровеніе Іоанну о тайнѣ столь рѣшительнаго и чрезвычайнаго торжества Христовой благодати надъ язычествомъ и должно было сопровождаться подобнымъ клятвеннымъ удостовѣренїемъ: ибо язычeskїй міръ являлся тогда самую грозною громадою, подвигшеюся уже раздавить христіанство.

Черезъ откровеніе означеннаго переворота въ судьбахъ міра и Церкви, Тайнозрителю уже отверзался входъ въ новый рядъ откровенїй и видѣній. Дѣйствительное его вступленіе въ оный такъ изображается въ Апокалипсисѣ: *и гласъ*

его слышахъ съ небесе паки глаголющъ со мною: иди и прими книжицу разгнутую въ руку Ангела стоящаго на мори и на земли: И идохъ ко Ангелу, глаголя ему: даждь ми книжицу. И рече ми: прими и съждь ю: и горька будетъ во чревъ твоемъ, но во устѣхъ ти сладка будетъ яко медъ. И пріяхъ книгу отъ руки Ангела и съдохъ ю: и бѣ во устѣхъ моихъ яко медъ сладка: и егда съдохъ ю, горька бѣше во чревъ моемъ. И рече ми: подобаетъ ти паки пророчествовати въ людехъ и племенѣхъ и во языцѣхъ и въ царствѣхъ многѣхъ (8—11).

И гласъ его слышахъ съ небесе паки глаголющъ со мною, т.-е., (какъ уже сказано при изъясненіи четвертаго стиха) гласъ Царя Небеснаго, Духа Истины. Иди и прими книжицу разгнутую въ руку Ангела, стоящаго на мори и на земли. Судя по извѣстному уже намъ значенію сего Ангела и книжицы въ его рукахъ, можно такъ изложить глаголь Духа, услышанный Іоанномъ Богословомъ: «Ты видишь безплотнаго поборника Христіанства, утвердившаго свои стопы въ области общественной жизни и государственнаго устройства Имперіи; видишь, что онъ принесъ міру и Церкви новыя судьбы, которыя легко и свободно разсматривать, какъ по раскрытой книжицѣ. Но овладѣи вполне откровеніемъ этихъ новыхъ судебъ міра и Церкви; вникни, совершенно-ли таковы онѣ въ своей цѣлости и послѣдовательности, какими оказываются на свѣтломъ зрѣлищѣ побѣды христіанства надъ язычествомъ, такъ-ли онѣ легко и свободно обнимаются въ своей дальнѣйшей послѣдовательности и полнотѣ, какъ раскрытая книжка». Иди и прими книжицу раскрытую...» Послѣдующее подтверждаетъ, что точно таковъ смыслъ воззванія небеснаго Тайнозрителя.

И идохъ ко Ангелу, глаголя ему: даждь ми книжицу. Такъ, въ состояніи самаго восхищенія отъ Св. Духа, дѣйствуетъ въ избранномъ свободная приемлемость къ Божественнымъ озареніямъ и откровеніямъ. Даждь ми книжицу, говоритъ Іоаннъ къ Ангелу, которому еще прежде него дано было овладѣть тайною послѣдующихъ судебъ Церкви и міра.

И рече ми: прими и съждь ю: и горька будетъ во чревъ твоемъ, но во устѣхъ ти сладка будетъ яко медъ. Подобнымъ образомъ пророкъ Іезекиль выступалъ на поприще пророчесственныхъ откровеній. И видѣхъ,—говоритъ онъ,—

се рука простерта ко мнѣ и въ ней свитокъ книжный... и вписано бяше въ немъ рыданіе и жалость и горе... И отверзохъ уста моя, и напита мя свиткомъ симъ... и бысть во устѣхъ моихъ, яко медъ сладокъ. «Горе и рыданіе» представлялось Іезекиилю на открытомъ виду пророчесвеннаго его поприща; но это горе и рыданіе должны были разрѣшиться сладостію слѣдующихъ за ними свѣтлыхъ судьбъ Церкви. Таково значеніе символическаго вступительнаго видѣнія Пророка Іезекииля, какъ то оправдывается и содержаніемъ самыхъ его пророчествъ ¹⁾. Собоираясь съ этимъ мѣстомъ изъ книги Іезекииля, можно такъ изложить смыслъ ангельскихъ словъ Іоанну: «раскуси и разжуй, каковы приносимыя мною судьбы міра и Церкви; съ перваго взгляда онѣ—какъ раскрытая книжка, которую легко и скоро можно прочесть. Въ началѣ, дѣйствительно, найдешь въ нихъ сладость меда. Но когда далѣе будешь слѣдить ихъ своимъ пророческимъ взоромъ, и будешь принимать ихъ къ своему сердцу, исполненному Христовой любви къ Церкви и людямъ, то сладость первоначальная смѣнится горечью—прозришь судьбы и времена для Церкви весьма тяжкія и плачевныя». Въ дальнѣйшемъ содержаніи Апокалипсиса, дѣйствительно, сначала открываются свѣтлыя зрѣлища съ легкими скоропроходящими тѣнями; затѣмъ являются звѣри, Вавилонъ и казни болѣе грозныя, нежели каковы совершившіяся надъ языческимъ міромъ. *И пріяхъ книгу отъ руки Ангела и снѣдохъ ю: и бѣ во устѣхъ моихъ яко медъ сладка: и егда снѣдохъ ю, горька бяше во чревь моемъ.* Такъ Іоаннъ, прежде раздѣльныхъ и обстоятельныхъ видѣній, пророчесвенно уже почувствовалъ и первоначальную сладость, и слѣдующую затѣмъ горечь дальнѣйшихъ судьбъ Церкви и міра. *И рече ми: подобаетъ ти паки пророчествовати въ людехъ и во племенѣхъ* и проч. Какъ бы такъ было сказано: «Вотъ открывается тебѣ новое зрѣлище пророчесвенныхъ видѣній, на которомъ явятся и пройдутъ предъ твоими Богопросвѣщенными взорами новые и многіе народы, племена, языки и ихъ вожди или направленія господствующія».

Въ разсматриваемой нами 10-й главѣ есть еще важная и знаменательная черта, требующая изъясненія. Изъ по-

¹⁾ Смотри книжку мою: „Св. Пророкъ Іезекииль“.

слѣднѣяго стиха этой главы можно видѣть, что новый рядъ судебъ христіанства и міра долженъ быть очень многосложенъ, касаясь людей, племень, языковъ и царей многихъ. Спрашивается: почему же откровеніе о сихъ судьбахъ представлено здѣсь (X, 2, 9—10) подъ образомъ малой книжицы или книжки? Изъяснить это требуется особенно для послѣдующаго ряда видѣній апокалипсическихъ, въ которыхъ 10-я глава служить введеніемъ или вступленіемъ. Нельзя сказать, чтобы послѣдующія откровенія были представлены подъ образомъ книжки по причинѣ своей краткости или малочисленности. Ибо дальнѣйшій рядъ видѣній въ Апокалипсисѣ не только не менѣе, а еще продолжительнѣе предыдущаго. Если же, *по содержанію* послѣдующихъ откровеній, не приличествуетъ имъ образъ малой книжицы или книжки, то значитъ, этотъ образъ относится къ *характеру откровенія* о послѣдующихъ судьбахъ Церкви, видно, не столь уже подробнаго, какъ было выше. И въ самомъ дѣлѣ, мы будемъ видѣть ниже, что жизнь христіанскаго міра, слѣдимая откровеніемъ съ чрезвычайною точностію во всѣхъ существенныхъ своихъ видоизмѣненіяхъ, не столь однако подробно раскрывается въ своихъ частностяхъ, сколь подробно выше показаны казни надъ іудействомъ и карательное угасаніе язычества. Нетрудно и понять, почему такая разность въ способахъ или характерѣ одного и того же Божественнаго откровенія. Это откровеніе будущихъ судебъ Церкви и міра было потребно (какъ видѣли мы, разсматривая обстоятельства происхожденія Апокалипсиса) особенно по причинѣ внѣшняго преобладанія надъ новонасажденнымъ христіанствомъ со стороны іудейства и язычества, и только отчасти по причинѣ возникающихъ и угрожающихъ Церкви христіанской внутреннихъ враговъ и затрудненій. Соотвѣтственно симъ потребностямъ и дано такое откровеніе, которое со всею обстоятельностью раскрыло въ будущемъ весь ходъ побѣдоносной войны христіанства съ іудействомъ и язычествомъ, но которое не столь подробно и пространно въ отношеніи къ дальнѣйшимъ судьбамъ міра христіанскаго ¹⁾). Впрочемъ, отсюда не слѣдуетъ того, чтобы

¹⁾ У Духа Божія, объемлющаго равно всѣ времена, конечно, было особенное замѣреніе въ этомъ видоизмѣненіи характера откровенія: іудейство и язычество воспроизводятся, въ своемъ духѣ, и въ дальнѣйшихъ, враждеб-

путь, предлежавшій христіанской Церкви послѣ побѣды надъ іудействомъ и язычествомъ, былъ недовольно освѣщенъ откровеніемъ, даннымъ Ап. Іоанну Богослову. Ибо все существенное и характеристическое въ дальнѣйшихъ судьбахъ Церкви и міра вполне открыто въ Апокалипсисѣ; а то, что могло бы навести наиболѣе неудоборазумѣваемый сумракъ на вѣру, раскрыто съ не меньшею, можетъ быть, подробностію, какъ и побѣда надъ іудействомъ и язычествомъ. Таково, напр., изображеніе *седми язвъ послѣднихъ*, въ которыхъ скончается ярость Божія, и *суда Божія надъ Вавилономъ* (гл. 15—19).

Сказанное въ объясненіе значенія той книжицы, которую повелѣно было Апостолу съѣсть *и паки пророчествовати*; ближайшимъ образомъ вводитъ и насъ въ продолженіе истолкованія Апокалипсиса.

Отдѣленіе третіе. (11 глава).

Послѣ рассмотрѣннаго вступленія первое, а въ общемъ ряду многосложныхъ видѣній и судьбахъ Вселенской Церкви третіе, видѣніе таково (11 гл.).

Тайнозрителю повелѣно измѣрить храмъ Божій съ жертвенникомъ и поклонниками, исключая внѣшній дворъ, представленный язычникамъ, которые еще на нѣкоторое время имѣли оставаться въ святомъ градѣ (1—2). Между тѣмъ, въ продолженіе сего самаго времени, должны проходить пророчественное служеніе два Христова свидѣтеля, облеченные во вретнице, вооруженные противъ непокорныхъ истребительною силою огня, исходящаго изъ ихъ устъ, и грозною властію надъ небомъ и землею (3—6). Хотя и такіе могущественные пророки, наконецъ, подвергнутся, къ радости наказуемыхъ ими, насилію и самой смерти отъ исходящаго изъ бездны звѣря: но они вскорѣ воскресаютъ и по небесному гласу восходятъ на небо, въ виду и къ страху своихъ враговъ (7—12). Въ тотъ же часъ слѣдуетъ великое землетрясеніе, нѣкоторыхъ поражающее смертію, а про-

ныхъ Церкви заблужденіяхъ: суды надъ іудействомъ и язычествомъ благопотребно было поставить на видъ вѣрѣ, съ особенною подробною обстоятельностью для того, чтобы тѣмъ сильнѣе стражать отъ вѣры душъ столь грозно осужденныхъ—язычества, держащагося развѣхъ началъ внѣ Христа, и іудейства, обращающаго въ мертвую букву для себя и живую Божію истину.

чихъ вразумляющее воздать славу Богу Небесному. Этимъ и оканчивается *второе горе* для язычниковъ (13—14). Затѣмъ открывается третіе и послѣднее горе для испроверженія язычества: по трубному гласу седьмого Ангела раздаются на небесахъ торжественные гласы о томъ, что «царство міра содѣлалось царствомъ Господа нашего и Христа Его», и двадцать четыре старца падаютъ на лица своя предъ Богомъ, восхваляя Его за царственную Его сиду и власть, за праведный гнѣвъ на язычниковъ и за вознагражденіе святыхъ (14—18). Наконецъ, отверженіе храма Божія на небеси и явленіе Ковчега Завѣта въ храмѣ, сопровождаемое молніями, громами, землетрясеніемъ и пр., составляютъ заключеніе сего великаго видѣнія (ст. 19).

Что это видѣніе имѣетъ значеніе символическое, это видно изъ слѣдующихъ признаковъ: а) нѣкоторые предметы видѣнія, въ буквальномъ смыслѣ взятые, могли имѣть мѣсто только въ Ветхомъ Завѣтѣ, а въ Новомъ имѣютъ мѣсто уже не иначе, какъ въ смыслѣ духовномъ: таковъ храмъ Божій съ дворомъ языковъ (1—2) и съ Ковчегомъ Завѣта (19); б) Иные же предметы сами собою открываютъ свое символическое значеніе: таковъ звѣрь, исходящій изъ бездны на брань съ двумя пророками и одерживающій надъ ними побѣду; в) Другіе предметы видѣнія прямо обозначаются Тайнозрителемъ, какъ предметы духовно-знаменательные; такъ о великомъ городѣ, на стогнахъ котораго повергаются умерщвленные звѣремъ два пророка, Тайнозритель замѣчаетъ: *уже нарицается духовнѣ Содомъ и Египетъ* и проч. (ст. 8). Наконецъ, д) есть предметы въ семъ видѣніи, которыхъ символическій или образный смыслъ уже выше раскрытъ и доказанъ: таково значеніе *неба, земли, бездны, двадцати четырехъ старцевъ* и проч. Также было выше показано, что апокалипсическое исчисленіе времени нельзя понимать въ строгомъ собственномъ смыслѣ. Впрочемъ, не должно отрицать, что нѣкоторыя черты или предметы видѣнія имѣютъ и собственный смыслъ. Такъ существенныя стороны Христовой истины въ Апокалипсисѣ обыкновенно представляются или выражаются открыто и прямо; къ таковымъ, въ разсматриваемомъ видѣніи, относятся мысли, выраженные въ славословіяхъ, которыя громогласно раздавались на небесахъ и возглашались двадцатью четырьмя старцами (ст.

15—17—18). Сверхъ того, такъ какъ въ предшествующихъ видѣнiяхъ Тайнозрителя раскрывались судьбы враждебнаго христіанству язычества, и притомъ выше указано было, что тайна христіанства въ отношеніи къ языческому міру, окончательно имѣла совершиться *во дни гласа седмаго Ангела* (X, 7): то понятно, что въ настоящемъ видѣнiи, которое объемлетъ, между прочимъ, и *дни гласа седмаго Ангела* (XI, 15 и дал.), упоминается объ языкахъ или язычникахъ въ смыслѣ не иноказательномъ, а буквальномъ (ст. 2 и 18). Послѣ сихъ предварительныхъ замѣчаній о характерѣ настоящаго видѣнiя приступимъ и къ самому изъясненію видѣнiя.

Для удобства въ изслѣдованіи, раздѣлимъ видѣніе на три отдѣла, изъ которыхъ каждый хотя и не равенъ по объему другимъ двумъ, но рѣзко отличается отъ оныхъ своею образіемъ предметовъ. Первый отдѣлъ о двухъ свидѣтеляхъ пророкахъ, убитыхъ было звѣремъ, но воскресшихъ и восшедшихъ на небо (1—12). Второй отдѣлъ о землетрясеніи, поразившемъ однихъ и обратившемъ другихъ къ Богу небесному, чѣмъ и заключалось второе горе для язычества (ст. 13 и 14). Третій отдѣлъ о гласахъ на небесахъ, о славословіи 24 старцевъ и объ отверженіи храма Божія съ Кивотомъ Завѣта внутри его, съ послѣдующими затѣмъ грозными* и величественными явленіями (15—19). При разсмотрѣнiи cadaго изъ сихъ отдѣловъ будемъ, во-первыхъ, раскрывать смыслъ сего видѣнiя, объясняя символическіе въ немъ предметы или изъ описанія ихъ Тайнозрителемъ, или изъ связи ихъ съ предметами, имѣющими буквальное значеніе, или изъ употребленія тѣхъ же символовъ выше въ самомъ Апокалипсисѣ, или изъ истолкованія символовъ въ другихъ мѣстахъ Св. Писанія. Раскрытый же такимъ образомъ смыслъ видѣнiя, во-вторыхъ, станемъ подтверждать и оправдывать исторіею или указаніемъ самыхъ собитій, въ которыхъ исполнилось пророчественное видѣніе Тайнозрителя.

Откровеніе о двухъ пророкахъ предваряется такимъ вступленіемъ: *и дана ми бысть*,—говоритъ Тайнозритель,—*трость, подобна жезлу, глаголя: востани и измѣри Церковь Божию и олтарь и кланяющіяся въ ней: а дворъ сущій внѣ Церкви изнеси внугду, ниже измѣри его, зане данъ*

бысть языкомъ: и градъ святыи поперуть четьредесять и два мѣсяцы (ст. 1—2). Здѣсь требуютъ изъясненія какъ предметы, созерцаемые Тайнозрителемъ, такъ и дѣйствія, ему поручаемыя.

Предметы видѣнія, требующіе раскрытія своего значенія, суть слѣдующіе: Церковь Божія, съ грѣч. храмъ Божій; олтарь, т.-е. жертвенникъ; кланяющіеся во храмъ; дворъ, который *данъ бысть языкомъ*; градъ святыи, который будутъ попірять язычники сорокъ два мѣсяца.

Храмъ Божій святъ есть, иже есте вы, говоритъ Апостоль христіанамъ (1 Кор. III, 17). Отсюда видно, что подъ храмомъ Божиимъ разумѣется въ духовномъ смыслѣ Церковь христіанская, это вселенское собраніе христіанъ. А такъ какъ въ разсматриваемомъ мѣстѣ Апокалипсиса храмъ Божій отличенъ отъ кланяющихся въ немъ, то здѣсь подъ храмомъ Божиимъ, видно, разумѣется не просто самое собраніе вѣрующихъ, а вселенски-церковное устройство или порядокъ, въ который введены или собраны вѣрующіе во Христа. Ибо подъ условіемъ праваго церковнаго устройства, въ которое вводятся христіане, собраніе ихъ и составляетъ истинную Христову Церковь; а внѣ сего устройства, сколько и какіе ни выдавали бы себя за христіанъ, они были бы еще внѣ духовнаго Храма Божія, внѣ истинной вселенской Христовой Церкви.

Олтарь или жертвенникъ, въ глубочайшемъ смыслѣ этого образа, есть сама спасающая насъ во Христѣ любовь Божія, такъ какъ на ея мысленный жертвенникъ возлагаются вѣроу духовныя жертвы мыслей, расположеній и дѣлъ, благоудобныхъ Богу. Выше въ семъ смыслѣ и было уже дано понятіе объ олтарѣ или жертвенникѣ (см. Изслѣдованіе VIII, 3—5; VI, 9). Но въ настоящемъ мѣстѣ Апокалипсиса, гдѣ Храмомъ Божиимъ знаменуется въ особенности церковное устройство, жертвенникъ надобно понимать также въ особенно-гѣсномъ смыслѣ, какъ извѣстную часть церковнаго устройства. Какую же именно? Въ устройствѣ Вѣтхозавѣтной Церкви жертвы составляли существеннѣйшую часть въ церковномъ Богослуженіи, посему въ устройствѣ Новозавѣтной Церкви подъ жертвенникомъ справедливо разумѣть собственно Богослужебную часть.

Кланяющіеся въ храмъ суть, безъ сомнѣнія, тѣ, о кото-

рыхъ говорить Христось: *грядетъ часъ и нынѣ есть, егда истиннѣи поклоницы поклонятся Отцу духомъ и истиною* (Іоан. IV, 23). Таковы вѣрныя чада Новозавѣтной Христовой Церкви или православныя христіане. Они находятся въ Храмѣ; слѣдовательно, ограждены безопасностію и совокушлены всѣ вмѣстѣ.

Образъ двора даннаго языкомъ взятъ съ такъ называемаго двора языковъ, который въ іудейскомъ храмѣ (возстановленномъ послѣ плѣна Вавилонскаго) составлялъ извѣстное отдѣленіе внѣшняго двора и былъ единственнымъ мѣстомъ, открытымъ для язычниковъ. Новозавѣтная Христова Церковь такъ устроена, что язычникамъ, наравнѣ съ іудеями, открытъ входъ въ нее. Но если находятся язычники, еще не вошедшіе въ Церковь, однако, безпрепятственно могущіе приходить въ ея область, состоящіе подъ предваряющею благодатию Христовою, и даже поставленные въ нѣкоторую зависимость отъ ея владычества, хотя только во внѣшнемъ или гражданскомъ своемъ бытѣ; то это, по апокалипсическому образу представленія, и будетъ не иное что, какъ предоставленіе симъ язычникамъ *внѣшняго двора* Христовой Церкви. Какіе же язычники имѣются здѣсь въ виду—это извѣстно изъ предшествовавшихъ видѣній: это язычники главнымъ образомъ Греко-Римской Имперіи. Такъ, Ап. Іоаннъ теперь видитъ ихъ уже не преобладающими надъ христіанствомъ, а, напротивъ, допускаемыми подъ сѣнь христіанской Церкви, которая, слѣдовательно, предполагается господствующею въ Греко-Римской Имперіи (какъ это въ предыдущей главѣ и было открыто со всею обстоятельностью):

Градъ Святыхъ, въ буквальномъ смыслѣ, именуется Іерусалимъ (см. Мѣ. XXVII, 53): *изшедше отъ гробъ*, такъ сказано о воскресшихъ въ часъ смерти Іисуса Христа,— *по воскресеніи Его внидоша во Святый Градъ*. Въ духовномъ смыслѣ, Іерусалимъ есть вообще Христова Церковь, какъ въ состояніи странствованія: *Внѣшній Іерусалимъ свободъ есть, иже есть мати всѣмъ намъ* (Галат. IV, 26),—такъ и въ славѣ небснаго торжества: *приступите къ Сіонскій горѣ, и ко граду Бога Живаго, Іерусалиму небесному, и тѣмъ, Ангеловъ, торжеству и Церкви первородныхъ* (Евр. XII, Града въ разсматриваемомъ нами мѣстѣ,—не должно терять 22—23). Что касается до значенія Іерусалима или *Святаго*

изъ виду, что видѣнный въ семь Ов. Градѣ *храмъ*, по общему своему знаменованію, есть также Церковь, равно и кланяющіеся въ семь храмѣ составляютъ Церковь. Не безъ причины и не безъ особеннаго значенія, конечно, всѣ эти три образа Церкви соединяются въ одномъ и томъ же видѣннѣ: видно, что каждымъ изъ сихъ образовъ знаменуется Церковь не вообще, но въ своемъ особенномъ отношеніи. Такъ выше и было показано; что Церковь, разсматриваемая какъ благодатное и спасительное для человѣковъ устройство Божіе, есть Храмъ Божій; а разсматриваемая въ своемъ составѣ та же самая Церковь, есть собраніе *поклоняющихся Богу*. Посему и видомъ *Святаго Града* изображается Церковь въ нѣкоторомъ новомъ и особомъ отношеніи. Такъ какъ Святой Градъ могъ быть попираемъ язычниками (ст. 2), то видно, что онъ созерцаемъ былъ Ап. Іоанномъ на землѣ, а не на небѣ. *Земля* же означаетъ гражданское устройство, какъ извѣстно уже намъ. Отсюда и объясняется значеніе символическаго Іерусалима: насколько Церковь водворяется въ области извѣстнаго гражданства или государства, благословляя или освящая собою всѣ части его устройства; то въ семь отношеніи Церковь и есть *Св. Градъ* на землѣ. Отсюда понятно и то, какъ этотъ самый градъ можетъ быть попираемъ язычниками: когда въ государствѣ, освященномъ водворившеюся и господствующею въ немъ Церковію, еще есть язычники, невѣрные, несмотря на христіанскій уже характеръ всего гражданского устройства; то это и значить, что на святыхъ стогнахъ духовнаго Іерусалима, какимъ является государство ради находящейся въ немъ Церкви, ходятъ еще язычники своими оскверненными ногами. Язычники эти принадлежатъ, какъ выше сказано, главнымъ образомъ, Греко-Римской Имперіи, слѣдовательно, и Св. Градъ представляетъ Христову Церковь водворившеюся именно въ этой Греко-Римской Имперіи.

Время, въ продолженіе котораго язычники будутъ осквернять нечистыми слѣдами своихъ ногъ сіе христіанское государство, состоитъ изъ *четырехъдесяти двухъ мѣсяцевъ*, т.-е. трехъ лѣтъ съ половиною. Здѣсь прежде всего надо поставить на видъ для себя явную сообразность и соотвѣтствіе означеннаго Апокалипсическаго времени съ продолженіемъ открытаго Христова служенія также на три года съ половиною:

видно, язычникамъ остается, при господствѣ христіанства, имѣть мѣсто въ средѣ христіанскаго гражданства лишь настолько, насколько это согласно съ Христовымъ долготерпѣніемъ къ заблуждающимъ, которое Онъ проявлялъ въ Своемъ служеніи спасенію грѣшныхъ людей. Но эта глубокая таинственность апокалипсическаго времяисчисленія не исключаетъ возможности, при помощи событій, опредѣлить то же время и съ историческою точностію. Правда, съ точностію *разумѣть* и опредѣлить значеніе числъ времени *нѣтъ ваше*, сказано было отъ Самого Христа Своимъ ученикамъ (Дѣян. I, 7). Соображая впрочемъ время, означенное выше въ разсмотрѣнномъ уже нами мѣстѣ (IX, 15) съ историческимъ временемъ, въ продолженіе котораго совершались предреченныя въ этомъ мѣстѣ событія (см. IX, 14—19), имѣемъ основаніе полагать, по оправданію сего уже событіями, что годъ апокалипсическій подходитъ къ столѣтію, мѣсяць къ десятилѣтію историческому и проч. Черезъ это намъ уже дано *разумѣти*, что апокалипсическіе три года съ половиною могутъ знаменовать около 3-хъ съ половиною столѣтій. Ниже увидимъ, что событія оправдаютъ это времяисчисленіе. Такое же время назначается и для служенія двухъ свидѣтелей-пророковъ: это показываетъ внутреннюю связь настоящаго видѣнія съ послѣдующимъ откровеніемъ о двухъ могущественныхъ пророкахъ.

Итакъ предметы, какіе въ разсматриваемомъ видѣніи созерцаемы были Тайнозрителемъ, символически выражаютъ слѣдующее: Церковь Христова явилась въ совершенномъ устройствѣ, съ Богослужебнымъ чиномъ, съ совокупностію вѣрующихъ, утвердившеюся и господствующею въ греко-римскомъ государствѣ, въ которомъ, впрочемъ, и по освященіи его христіанствомъ, оставались еще долготерпѣливо блудные около трехъ вѣковъ съ половиною язычники, подъ могучимъ вліяніемъ продолжавшагося въ то же время служенія нѣкоторыхъ чрезвычайныхъ свидѣтелей Христовыхъ (о которыхъ рѣчь будетъ ниже).

Раскроемъ теперь значеніе дѣйствій, какія совершить повелѣно было Ап. Іоанну въ разсматриваемомъ видѣніи. Онъ долженъ былъ взять трость, подобную жезлу, и измѣрить оною Храмъ Божій, жертвенникъ и поклоняющихся въ немъ, но оставить безъ измѣренія внѣшній дворъ, предоставленный